

БОРИС КУРКИН

ТОЖЕ “ПОБЕДИТЕЛИ”

Говоря о Второй мировой войне, мы не вправе забывать о ее жертвах — тихих нейтральных странах Скандинавии, внесших свой посильный вклад в победу над Германией и Объединенной Европой. Правда, сами они в эту Объединенную Европу и входили, воюя, хотя и “в частном порядке”, против СССР, отчего возникало даже некое раздвоение их международно-правовой личности.

*Датчане — это скандинавские французы,
шведы — это скандинавские немцы,
а норвежцы — это скандинавские русские.
— А финны?
— Финны не скандинавы вовсе.*

Б. Н. Григорьев. Скандинавия с черного хода. Записки разведчика: от серьезного до курьезного

I. ТЕЛЕГРАММА

Вторник 9 апреля 1940 года для Дании и лично ее короля Кристиана Десятого явно не задался: в его владения нежданно и негаданно попрыгали с небес немецкие парашютисты. Так “образцовая тюрьма” Дания с ее Эльсинором стала второй после нарывавшейся “на скандал” Польши жертвой гитлеровской агрессии.

Тем же утром германские послы в Осло и Копенгагене вручили правительствам Норвегии и Дании одинаковые по содержанию ноты, в которых вооруженное выступление Германии было обосновано вынужденной необходимостью защитить обе нейтральные страны от якобы предстоящего в самое ближайшее время нападения англичан и французов и предупредить замышляемое ими распространение войны на территорию Скандинавии, т. е. выведение Дании и Норвегии из состояния нейтралитета. Кстати, 31 мая 1939 г. был подписан Германо-датский пакт о ненападении. При этом Дания настояла лишь на том, чтобы подписание состоялось не одновременно с Латвией и Эстонией.

Руководивший общей операцией “Везерюбунг” генерал Н. фон Фалькенхорст предлагал даже в целях устрашения провести психическую атаку — пропустить под аккомпанемент духового оркестра по Копенгагену целый немецкий батальон. Однако вместо этого командующий операцией в Дании генерал Л. Каупиш проявил строптивость и приказал вместо прохода по главной улице с оркестром штурмовать старую крепость над гаванью и взять в плен рас-

квартированный там гвардейский полк, что и было сделано без единого выстрела. Одним словом, датчане оказались слишком цивилизованными для того, чтобы сражаться.

Король Кристиан счел ниже своего достоинства заниматься вопросами войны (для того у него имелся военный министр). Однако королевство было маленькое, а посему развернуться военному министру было негде, и король в тот же день и час решил капитулировать, сердечно поздравив (от себя лично) германского генерала К. Химера с “блестяще выполненной работой”.

В ответ смущенный Химер ответил, что лично он глубоко сожалеет о том, что был вынужден явиться к королю с такой миссией, но он лишь выполняет долг солдата. И добавил, что немцы пришли в Данию как друзья. Похоже, так оно и было. Хотя друзья бывают порой с норовом.

Одним словом, сопротивлялась Дания отчаянно, хотя и недолго – всего 1 (один) день, а еще вернее, целых четыре часа. И уже в середине дня мирные копенгагенцы попивали пиво с доблестными немецкими солдатами и обменивались с ними утонченными шутками. Нет, не зря датчан называют скандинавскими французами!

Любопытно, что военно-морской флот Дании не произвел ни единого выстрела ни со своих кораблей, ни с береговых батарей, когда немецкие транспорты с войсками проходили вблизи этих орудий, способных разнести их вдребезги. 4 апреля – как только было получено известие о германских планах вторжения в Данию и о группировании германского флота в датских территориальных водах, – датский флот получил приказ не вступать в боевое столкновение с нападающими. Это позволило немцам произвести высадку без всякого сопротивления.

“И Божья благодать сошла на... Данию”.

Страна с успехом стала использоваться в качестве витрины “миролюбивой” политики на оккупированных территориях, оставаясь формально независимым государством. В своем отдельном меморандуме фюрер гарантировал территориальную целостность и независимость страны, политическая жизнь которой оставалась неизменной: продолжали действовать король, правительство, парламент, самоуправление, политические организации. Армия, флот, полиция оставались под датским командованием. Нацификация общественной жизни не производилась, деятельность профсоюзов не запрещалась. Были введены только ограничения свободы прессы и собраний. Вольготно чувствовали себя в оккупированной миниатюрной Дании и ведшие свой прежний привычный образ жизни евреи. Правда, позже почти все они в количестве 7000 человек благополучно переселились в Швецию. Не пожелали покидать королевство не более 500 человек. Современники отмечали, что повседневная жизнь датчан в первые годы оккупации практически не изменилась, и потому движение “Сопротивления” поддержки не находило.

Таким образом, почти четыре года, покуда ветренная фортуна не отвернулась от свирепого тевтона, датский король и его народ, – добродушный и беззаботный, – доставляли фюреру очень мало беспокойства, в результате чего Дания и приобрела славу “образцового протектората” и продовольственной базы Германии. Полностью переориентирована была на нее вся экономика королевства.

Ввиду растущих потребностей нового сюзерена Дании экспорт ее непрерывно возрастал, что послужило благоприятным фактором для уровня благосостояния датского населения. Другим положительным фактором стало широкое привлечение датской рабочей силы для строительства военных и гражданских объектов в Германии и в оккупированных странах, за что датским рабочим было выплачено более 5 миллиардов крон. Резко сократилась безработица и стабилизировалась экономическая ситуация. Все это в первые годы способствовало положительному или нейтральному отношению широких слоев датского общества к оккупации страны.

Однако всему прекрасному приходит когда-то конец; после битвы на Курской дуге социально-экономическая ситуация стала резко ухудшаться, и отважные датчане решили показать немцам кукиш. Так, на выборах в фолькетинг потерпели поражение датские национал-социалисты из “Датской национал-социалистической рабочей партии” (Danmarks Nationalsocialistiske Arbejderparti, DNSAP), получившие 2,1% голосов (местный Центризбирком недоглядел!), что доставило фюреру немалое неудовольствие. А 29 августа 1943 г. в Дании

случилась всеобщая забастовка, и немцы, не ожидавшие подобной наглости от своих меньших братьев, отстранили от власти коалиционное правительство и объявили чрезвычайное положение, введя, таким образом, прямое германское правление.

Власть в стране перешла к имперским уполномоченным секретарям по Дании. В страну были введены армейские части и подразделения гестапо. Армия была разоружена. Датские моряки сумели затопить большую часть датского флота, после чего в массовом порядке подверглись интернированию. Начались аресты.

Изменение политики германских властей сказалось на возникновении так называемого “Сопrotивления”. Уже в сентябре 1943 года был создан нелегальный “Совет свободы” из представителей всех подпольных организаций, приступивший к формированию подпольных вооружённых отрядов. Этот-то “Совет свободы” и установил (восстановил?) в июле 1944 года дипломатические отношения с СССР.

Биографы датского короля не перестают подчеркивать, что сей венценосец отнюдь не симпатизировал нацистам, добавляя при этом, что вел он себя довольно осторожно, допуская уступки оккупантам. Но и то: а что бы вы делали на его месте? Кидали гранаты из королевского дворца? Залегли с пулеметом на крыше?

Отмечается также, что имя доброго короля Кристиана стало символом датской государственности и даже Сопrotивления, чему способствовали некоторые его антинемецкие протокольные демонстрации.

Сопrotивлялись участники датского Сопrotивления отчаянно. И в основном англичанам, лезшим из кожи вон, чтобы наладить в Дании хоть какое-то подполье. Однако отважные подпольщики неоднократно и настоятельно требовали у Англии... прекратить поставлять им оружие, потому что отдельные горячие головы могут им воспользоваться, и тогда немцы обозлятся и начнут репрессии. Кроме того, англичан настоятельно просили не призывать к саботажу выполнения заказов для Германии (опять же во избежание репрессий и ухудшения экономического положения датчан).

Наконец, выдвигались требования не бомбить военные заводы, поскольку во время бомбежек на них могли ненароком пострадать ни в чем не повинные люди. Зато в национальный день датчане явно в демонстративных целях зажигали в окнах свечи.

Вот об одной такой демонстрации, получившей название “телеграфного кризиса”, и хотелось бы напомнить. В сентябре 1942 г. получил Кристиан X ко дню своего рождения поздравление от... кого бы вы думали? Ни за что не угадаете! Самого фюрера!

Любопытное дело, однако: королевство датское оккупировано, а король датский как ни в чем не бывало сидит себе в своем дворце и работает с документами, а не отдыхает на нарах. Чудеса да и только! Ну да нам, сиволопым, этого не постичь! Европа!

Думается, вряд ли фюрер стал бы поздравлять какого-нибудь нераскаянного сопrotивленца. Что-то даже Сванидзе с Радзинским и Латынина с Радзиховским не сказывают, чтобы Гитлер слал с 1941-го по 1944 гг. аккурат каждое 21 декабря поздравительные телеграммы товарищу Сталину.

А что же король Кристиан? А он – вместо полагавшейся по протоколу многословной ответной телеграммы – дерзнул ограничиться сухой благодарностью. В общем, вышел дипломатический “бунт, похуже Пугачева”.

Фюрер был, понятное дело, взбешен. Конечно, раздражение ефрейторавыскочки к венценосной особе да еще и Главковерху всех датских ратей и флотов было понятно: уели Его Величество безродного самодура, возмнившего себя Нибелунгом и Зигфридом!

Тут-то Его Величество, поняв, что пересолит, решил дать задний ход и послал фюреру новый ответ в стиле “цирлих-манирлих”. Да не тут-то было: злопамятный Адольф на новые реверансы внимания уже не обратил и стал заворачивать оккупационную гайку.

Так монаршья фи́га обернулась для подданных новым утеснением.

И пришлось бедным датчанам слать в рейх больше соленой кильки со шпротами в масле, и копченой салаки со свежими селедками, чем до эффективного королевского демарша. Ну и, понятное дело, добровольцев-эсэсовцев на советско-германский фронт.

22 июня 1941 года Дания разорвала дипломатические отношения с СССР, а ровно через неделю – 29 июня в датской газете “Fædrelandet” было объявлено о формировании **Добровольческого датского корпуса (ДДК)** “для войны против большевизма”. Правительство Дании разрешило военнослужащим датских вооружённых сил брать отпуска и записываться в корпус с сохранением воинских званий. Образованный в пожарном порядке ДДК был направлен 8 мая 1942-го на Восточный фронт, где верноподданные короля Кристиана Десятого воевали в районе Демянска и под Великим Луками. В начале июня 1943-го датский корпус был расформирован, и большая часть личного состава была переведена в полк “Данемарк” в составе 11-й добровольческой дивизии СС “Нордланд”, остальные вернулись в Данию.

В январе 1944 дивизия “Нордланд” была отправлена на Восточный фронт под Ленинград и в феврале приняла участие в сражении за Нарву, именуемое в западной литературе “битвой европейских народов” (поскольку против советских войск там воевали норвежцы, датчане, голландцы, валлоны, фламандцы, эстонцы, а также немцы). Через пять месяцев еврокультуртрегеры отступили, оказавшись, в конечном счете, в Курляндском котле. Остатки дивизии были брошены на оборону Берлина.

Всего в боевых действиях на стороне Германии на советско-германском фронте, а также в Хорватии против партизан Тито принимали участие датские добровольцы числом до 10 тысяч голов.

Так что к концу войны в сталинских лагерях оказалось 457 подданных благородного и храброго короля Кристиана, из чего логически вытекает, что воевало королевство именно что на советско-германском фронте, позабыв про защиту самого себя.

И чем так не угодила датчанам матушка-Россия? Бог весть.

В свою очередь, бойцы Красной Армии бойцы брали штурмом датский остров Борнхольм с его 12-тысячным гарнизоном, орудиями ужасающих калибров и восемью генералами. И, разумеется, взяли.

Так что товарищ Сталин мог бы при случае припомнить Кристиану Десятому его прегрешения и намекнуть датским коммунистам на необходимость возглавить процесс обновления датской конституции 1915 года (со всеми вытекающими из этого для короля Кристиана и его семейства последствиями).

А злые западники все ж таки припомнили Кристиану X то, что он не успел вовремя покинуть страну, и потому не включили Данию в число стран-победителей.

Да. И еще. Англичане в Дании все ж таки сподобились организовать подполье. Вооружение завозилось из Великобритании и Швеции. По призыву “Совета свободы” в 1944 году в стране развернулась, как гласит официальная датская доктрина, “диверсионная война”: за 1944 год было произведено свыше 1500 взрывов на железных дорогах и свыше 2800 на предприятиях, кораблях и верфях. Всего к маю 1945 года подпольные вооружённые силы насчитывали около 50 000 человек (в Норвегии тайных бойцов было всего лишь 40 тысяч). О числе немцев, убитых бойцами невидимого даже для гестапо фронта, датская историческая наука деликатно умалчивает.

Благодаря “движению Сопrotивления” Дания была признана воюющей с агрессором страной и стала одним из учредителей ООН.

Денацификация Дании практически не коснулась. Послевоенное правительство заняло в отношении коллаборационистов и предателей типа Скавениуса примиренческую позицию и не стало их преследовать, как, например, сделали французы. А чтобы пострадавшим не было обидно, наградило их солидными пенсиями, особенно тех из них, кто отсидел срок в концентрационном лагере. Поэтому чиновничий аппарат остался незатронутым перипетиями войны и как ни в чем не бывало продолжал обслуживать новый послевоенный режим.

А 9 апреля является в Дании Флаг-днем. До 12.00 флаг поднимают до середины, затем до самого верха (конца).

Теперь подытожим. Датские потери составили при “обороне Дании” от гитлеровцев составили 13 убитых и 23 раненых. Немцы потеряли примерно 20 человек.

Всего за годы Второй мировой войны погибло 398 соотечественников принца Гамлета, воевавших за “Великую Германию” в рядах Ваффен-СС. Потери гражданских лиц составили 100 датчан.

В советском плену, по данным Управления по делам военнопленных и интернированных Министерства внутренних дел СССР от 12 октября 1959 г., находилось 457 подданных короля Кристиана.

Так на каких же фронтах датчане действительно воевали?

II. СКРЕПКА, ИЛИ КОРОЛЬ-ПОБЕДИТЕЛЬ ИЗ СТРАНЫ ФИОРДОВ

...Когда с кичливым бился он Норвежцем...

В. Шекспир. Гамлет

1. Начало

Вторник 9 апреля 1940 года для демократического норвежского короля Хокона VII тоже не задался: к нему тоже неожиданно и нежданно пожаловали немецкие парашютисты.

В отличие от датского короля, его единокровный брат и собрат по трону оказался явно не такой джентльмен и стал тянуть резину: все ж таки Норвегия в полтора раза больше Дании! После того, как немецкие десантники заняли центральный аэродром г. Осло Форнебу, он поспешил от греха подальше вместе с правительством в город Эльверум, что близ шведской границы, и через два дня, обдумав сложившуюся ситуацию, призвал свой народ к сопротивлению...

...9 апреля 1940 года командир горно-стрелковой дивизии генерал Дитль и полковник Рор, только что высадившиеся в Нарвике, отправились на такси в город на поиски коменданта. Комендант был найден на удивление легко. Перед немцами возникла целая куча офицеров и гражданских, в числе которых оказался и офицер в скромной полевой форме. Это был комендант города, полковник Сундло. Дитль представился ему и, приложив руку к фуражке, сказал по-немецки: "Я приветствую норвежскую армию. У меня приказ совместно с Вами защищать Нарвик от англичан". Попутно Дитль, разряженный как рождественская елка, напомнил норвежцу, что в случае кровопролития вся ответственность ляжет на него, полковника Сундло. Тот попросил время на размышление. Дитль дал ему 5 минут. Однако норвежскому полковнику вполне хватило и трех, поскольку он уже успел выяснить у Дитля, что высадилась целая немецкая дивизия. "Хотя это противоречит моей офицерской чести, я должен избежать насилия", – заявил комендант. И распустил всех резервистов по домам.

Действительно, только насилия еще на войне не хватало!

Так был взят Нарвик.

...Эти строки были писаны трепетной тевтонской рукой как раз в те дни: "Норвежские фиорды! Страстное стремление столь многих немцев и любовь норвежского народа! Как много немцев в прошедшие годы находили радость и разрядку после трудной работы, любуясь вашими кристалльными потоками, крутыми скалами, вашими лесами и вашими милыми местечками... Мы любили норвежские фиорды, норвежскую землю и норвежских людей! И вот теперь, в ожесточенной борьбе народов против тирании Англии на море, мы хотели прийти к вам, норвежцам, как друзья... Но случилось иначе. Вы, норвежцы, не поняли становления новой Европы, созревания нового мировоззрения, духовной революции, направленной против материальных, капиталистических интересов. Что знали вы о действительных целях освободительной борьбы Великой национал-социалистической Германии, борьбы, которая велась и за освобождение вашей страны от английского господства и произвола? ... Англия была готова к прыжку на побережье Норвегии...

Однако немецкий простофиля Михель не спал! ... Он наострил в этот раз уши и совершенно точно обнаружил, что коварный Альбион что-то замышлял... И вот по приказу фюрера все три вида немецких вооруженных сил развернули тайные приготовления. Фюрер запланировал неслыханно смелый удар, причем военно-морской флот должен был быть главным действующим лицом в этом военном походе на Крайний Север, напоминавшем набеги древних викингов. Эта задача была по сердцу главнокомандующему военно-морским флотом и всем его людям на кораблях немецкого флота, испытанных в штормах и боях... Берегись, Англия! Храбрые мужи с железными сердцами

уже плывут на стальных кораблях на Север! Они полны бурлящего гнева против высокомерно улыбающихся ненавистников их священного флага со свастикой и их национальной чести!

... Покорение далеких фиордов Норвегии было решающим шагом на пути к свободе, к освобождению морей. И только свобода морей может создать нашему упорному и настойчивому народу такое положение в мире в экономической и культурной областях, которого он заслуживает" (Die Kriegsmarine erobert Norwegens Pjorde. Erlebnisberichte von Mitkämpfen. Im Auftrage des Oberkommandos der Kriegsmarine hrsg. von Georg von Hase, Leipzig, 1940. S. 9–32).

... Когда по тебе начинают палить из всех стволов, даже самый законченный пацифист поймет, что происходит что-то неладное, служивый же человек откроет ответный огонь на поражение. Именно так и поступили норвежские артиллеристы в Осло-фьорде, потопив немецкий тяжелый крейсер "Блюхер", вошедший в давно пристрелянный комендорами квадрат.

Однако вскоре они услышали по радио выступление В. Квислинга, объявившего себя премьером и призвавшего прекратить сопротивление ввиду бегства короля, его правительства и командования армией невесть куда.

В итоге в Норвегии образовалось целых два правительства, и не ясно стало, какое из них более законное и чьи распоряжения следует исполнять, тем более что прежнее — правительство его величества — признаков жизни упорно не подавало.

Так перед канонирами береговой батареи Осло-фьорда, равно как и всей норвежской армией, включая ее верховное командование, встал вопрос: "Бить или не бить?" Мнения отцов-командиров, как водится, разделились, и вскоре батарейцы, прикрывавшие подходы к столице королевства, получили приказ вышестоящего начальства прекратить огонь.

В результате брожения умов военного командования немцами без какого-либо сопротивления были захвачены Берген, Кристиансанн, Тронхейм. Лишь на подступах к Нарвику два норвежских корабля береговой обороны "Эйдсволь" и "Норге" оказали сопротивление, пытаясь преградить путь немецким кораблям к причалам Нарвика, но были потоплены немецкими эсминцами. Сам же город, для обороны которого имелось достаточно сил и средств, был сдан противнику без единого выстрела.

Норвежское правительство (законное) и командование армии эвакуировались вглубь страны и напомнили о себе лишь через два дня — 11 апреля, когда большая часть сухопутных сил уже дезертировала либо сдалась в плен. Однако остатки воинских частей, резервисты и добровольцы все же вели сдерживающие бои в надежде на помощь со стороны Англии и Франции.

Спротивлялись потомки свирепых викингов, как могли, однако укорота зарвавшемуся тевтону так и не учинили. И виной тому была беспримерная немецкая наглость. Да и мудрено было упираться при виде форменного бесстыдства, примером которому мог служить захват аэродрома Ставангер-Сола.

По немецкому плану ("ди ерсте колонне марширт, ди цвайте колонне марширт") он должен был быть занят парашютистами, однако десантные самолеты, попав в зону плохой видимости, к месту назначения не прибыли и повернули восвояси. Тем временем над летным полем появилась эскадрилья немецких двухмоторных истребителей Bf-110, которые должны были поддерживать десантников и сестя на захваченный ими аэродром (на возвращение им не хватало уже топлива). Не обнаружив своих, немцы покружились над летным полем, а потом нагло пошли на штурм. Подавив ПВО, они совершили посадку, после чего экипажи самолетов (в общей сложности максимум 25 человек) с пистолетами и снятыми с самолетов пулеметами захватили аэродром, взяв его защитников в плен. Появившимся вскоре самолетам с немецкой пехотой оставалось лишь совершить мягкую посадку. Что и было сделано.

Ну и много ли навоюешь, сражаясь с такими вот циничными хулиганами?

Одним словом, сложившаяся ситуация стала ярчайшей иллюстрацией тому прискорбному обстоятельству, что перед разнузданным хамством интеллигентный человек, хотя бы и вооруженный — попросту бессилен.

В условиях же ограниченности ресурсов (силы требовались немцам для предстоящего наступления против Франции и Бельгии) ставка фюрера на откровенное хамство своих "зольдатен" — оказалась, ко всеобщему удивлению его генералов — верной.

Общая же численность немецких сил вторжения составляла 120 тысяч человек, а англо-норвежского “ограниченного контингента” — порядка 90 тысяч штыков. Сбросить немецкие десанты в море норвежцы с англичанами так и не сподобились, а посему вынуждены были со скоростью спринтера-разрядника оставить южную и западную Норвегию и учинить ретираду на север. А уже во второй половине апреля встал ребром вопрос и об их эвакуации.

Но вернемся в 9 апреля 1940 года.

Население Осло пребывало в полном замешательстве. Тому способствовала и германская пиар-акция, объяснявшая вторжение Германии в Норвегию защитой Страны фиордов и ее нейтралитета от военной агрессии со стороны Великобритании и Франции, что, кстати, было сущей правдой. И хотя в столице королевства и находились кое-какие войска, однако привести их в состояние боевой готовности не то забыли, не то не удосужились. Немцы недоумевали: “Отчего не было предпринято решительно ничего для организации обороны?”

... Формально Норвегия была нейтральной, однако, как показала практика, защищая свой нейтралитет от Германии и интернируя немцев, Норвегия готова была терпеть нарушение своего нейтралитета со стороны Великобритании, совершенно забывая при этом интернировать англичан. Тем не менее, премьер-министр Франции Э. Даладьё призвал даже захватить норвежские порты, однако каких-либо серьезных протестов со стороны Норвегии на это не последовало. Одним словом, обстановка вокруг девственно-нейтральной Норвегии час от часу накалялась.

На море союзники обладали подавляющим превосходством над Германией — флот Британии располагал тремя авианосцами, четырьмя линейными кораблями, двадцать одним крейсером, таким же числом эсминцев и восемнадцатью подлодками. Французский флот имел на ТВД два крейсера, одиннадцать эсминцев и одну подводную лодку. Кроме того, в операции участвовали три эсминца и одна подлодка ВМС Польши, действовавшие в составе британского флота.

Вторжение в Норвегию обеспечило Германии решение ряда стратегических задач, а именно обеспечение доступа к шведской железной руде, вывоз которой производился через Нарвик, и к северным норвежским незамерзающим портам для дальнейшего доступа в Северный ледовитый океан и Северную Атлантику. Теперь фюреру было уже из чего строить корабли и танки, а подлодкам и надводным рейдерам главкома Кригсмарине Редера был гарантирован свободный выход в океан и возможность блокады берегов Англии.

При другом раскладе англо-французское вторжение в Норвегию обеспечивало, в свою очередь, почти полную морскую блокаду Германии и оставляло ее без шведской железной руды и цветных металлов, в силу чего война неизбежно превращалась в одно сплошное издевательство над Германией и ее фюрером.

Итак, кто-то же должен был овладеть формально нейтральной Норвегией, ориентировавшейся по существу на Англию! С Англией короля Хокона связывало многое и в первую очередь родственные династические связи: он был женат на принцессе Мод (1869–1938), младшей дочери британского короля Эдуарда VII и королевы Александры. Такое даром не проходит, хотя само по себе еще ничего и не гарантирует (помимо этого он был родственником дома Бернадоттов. Его мать, кронпринцесса датская Луиза, была дочерью шведского короля Карла XV).

Норвегия тяготела к Англии, являвшейся ее главнейшим торговым партнером. Норвежские судовладельцы и промышленники, импортеры и экспортеры жестко зависели от этой морской державы. Так, еще накануне Первой мировой войны Норвегия оказалась на грани внутреннего кризиса ввиду отсутствия продовольственных товаров, в силу чего у страны сложилось с Англией своеобразное “отраслевое” соглашение: англичане покупали норвежские товары, прежде экспортировавшиеся в Германию. Взамен же англичане обязывались стабильно поставлять сырье и прежде всего горючее. Тем самым Норвегия оказалась втянута в британскую блокадную систему, направленную против Германии.

После отъезда короля из Осло вместе с правительством и лидерами политических партий норвежцы почувствовали себя сиротами. Однако природа, равно как и политика, не терпит пустоты, и на авансцену разыгравшейся

психодрамы вылез с политической галерки хулиган и дебошир В. Квислинг.

Это был для немцев сущий реприманд. Когда столица находилась в руках немцев, Квислинг влетел на радиостанцию и объявил, что правительство Ньюгорсвольда, покинувшее столицу, считается распущенным и что вместо него создано правительство “национального единения” (так называлась партия Квислинга). Помимо обязанностей премьера Квислинг взял себе также портфель министра иностранных дел. Похожая на перформанс акция Квислинга была беспроигрышной: никаким сопротивлением в стране и не пахло.

К слову сказать, 9 апреля 1940 г. Квислинг и сам был захвачен врасплох немецким нападением, однако мгновенно сориентировался и попытался влезть в игру, презрев железное армейское правило: “Всякая инициатива наказуема!”

Но и немцы не ожидали от Квислинга подобной прыти: этот своевольный и авантюристичный поступок их креатуры обрекал на провал все их усилия склонить Норвегию к капитуляции, а самого короля к сотрудничеству. Так что у фюрера явно чесались руки выпороть этого Бог весть что возомнившего о себе вождя “всея королевства”. Через пять дней фюрер снял его с самовольно занятой им должности и вызвал в Германию на курсы повышения квалификации.

Гитлер отнюдь не стремился свергать в Норвегии монархию. Напротив, Хокон вполне устроил бы его, подобно тому, как устроил его днем ранее датский король Кристиан, а чуть позже бельгийский король Леопольд (разумеется, при наличии немца-управителя). И хитроумный Хокон, почувствовав эту слабинку, стал упираться. Напрасно фюрер через своего посла Брайера пытался уговорить варяжского короля вернуться к исполнению своих служебных обязанностей в Осло и назначить Квислинга (за неимением ничего получше) своим премьером. Не возымели действия и уговоры местных национал-социалистов: король при всем своем демократизме не стал разговаривать с этими “плебеями”. И когда утром 11 апреля появился эмиссар Квислинга капитан Иргенс, настаивавший на возвращении монарха в столицу и обещавший, что Квислинг будет лояльно служить ему, это заманчивое предложение было отклонено с молчаливым презрением.

Дело чуть не испортил военно-воздушный атташе германского посольства капитан Шпиллер, решивший навесить короля Хокона лично. Ему показалось, что вместе с двумя ротами десантников ему удастся уговорить гордого короля Хокона вернуться с почетом и славой в Осло и сделать все, что от него требуется.

Однако случилось нечто совершенно невероятное: лихие немецкие парашютисты, распевавшие задушевные народные песни, попали в засаду, подстроенную личной охраной хитрого короля Хокона, и их тривиально посекали из пулеметов: растянувшаяся колонна автобусов неплохая мишень для опытных стрелков. Кажется, это была единственная удачная операция норвежских военных. Впрочем, то была не рядовая воинская часть, а личная охрана предсудомительного короля норвежцев.

В дело пришлось вступить германскому послу Брайеру, которому как кадровому дипломату со стажем пришлось после столь досадного казуса весьма туго. Напрасно карьерный дипломат старой школы то льстил монаршему самолюбию, то недвусмысленно намекал на грозные “санкции”: хитроумный король норвежцев доблестно валял ваньку и изображал из себя чистоплюя-конституционалиста: он-де по конституции не правомочен принимать политические решения. Это, мол, дело правительства, с которым ему, естественно, необходимо посоветоваться.

Своим же правительствующим подданным верный конституции Хокон заявил, что сам-то он “не местный — датчанин, приехал он в эту страну всего лишь тридцать пять лет назад”, однако назначать Квислинга премьером все же не хочет (еще бы он хотел, после того как тот, не испросив согласия и разрешения у своего доброго короля, провозгласил себя вторым лицом в королевстве!). Не хочет он, впрочем, и того, чтобы министры принимали решения под влиянием его заявления. Далее печальный король посетовал на то, что в условиях надвигающейся войны, в которой многим молодым норвежцам придется отдать свои жизни, единственным выбором для него остается отречение.

При слове “отречение” членов правительства наверняка пробил озноб. Сплочение вокруг благородного и храброго короля счастливо состоялось, и было решено продолжать борьбу, о чем министр иностранных дел Х. Кот и уведомил германского посла.

Сопротивлялись норвежцы (вместе с англичанами и французами) недолго: французские части покинули позиции в Норвегии 5 июня, через два дня за ними последовали англичане. Эвакуация прошла организованно, решительно и быстро и завершилась в ночь на 8 июня. А накануне король и его министры эвакуировались на крейсере “Девоншир” в Англию, предусмотрительно прихватив с собой золотой запас королевства и кое-какие секретные документы МИДа.

Об этих государственных мужах герой замечательного норвежского писателя С. Хёля говорил так: “И откуда, собственно, оно взялось, это правительство? Можно подумать, кто-то специально ходил и днем с огнем выискивал его членов в доме для дефективных! Но поскольку все они сплошные бездарности и сами это прекрасно знают – нет, только подозревают, потому что знать они ничего не знают, ни черта! – то, естественно, они стараются и окружение себе подбирать соответствующее, держа на почтительном расстоянии всех тех, кто уже одним своим присутствием делал бы их смешными. Вот откуда этот наш смехотворный норвежский Лондон – карликовый рай, как окрестил его один умный человек, попавший туда по ошибке.

Без сомнения, это надо рассматривать как великолепное доказательство живучести нации. В разгаре величайшей в мире войны, поселившись в величайшем в мире городе, наши соотечественники умудрились – фокус-покус – устроить себе захолуднейшее из всех норвежских захолустьи!”

Впрочем, это могло быть субъективное мнение писателя, хотя написаны эти строки были уже после войны, а сам Хёль имел прочную репутацию антифашиста. Не пощадил писатель и своего несчастного короля, хотя сделал это вполне изящно, описывая устами своего героя бодрящую душу норвежца-антифашиста пропаганду из Лондона: “Ах, сколько пустой болтовни!.. Представьте: двое идут полмили по тридцатиградусному морозу, чтоб послушать радио, – так было! Сидят в нетопленной избушке, верят, ловят... И что же они слышат? Получасовой отчет о рождественской елке в Кардиффе”.

Вместе со своим королем взял курс на Туманный Альбион и его торговый флот (числом до тысячи единиц, составлявших двадцать процентов мирового тоннажа): его вскоре пришлось топить “волкам” Деница. Другая часть осталась в Норвегии, служила верой и правдой немцам, и ее пришлось пускать на дно уже советским подводникам.

На другой день после благополучного прибытия в Альбион норвежское правительство, громогласно заявившее о своей готовности продолжать борьбу, приказало частям и группам солдат прекратить организованное вооруженное сопротивление германским войскам, прибавив, однако, что борьба с оккупантами будет продолжена.

По всему выходило, что приказ сопротивляться и стоять до последнего понадобился непобежденному королю Хокону и его правительству лишь для того, чтобы обеспечить себе безопасную эвакуацию из страны.

Фюер сдержал свой гнев и проявил известный политический такт, не став форсировать политические события. В соответствии с его Указом об исполнении полномочий по управлению в Норвегии от 24 апреля 1940 г., он назначил блюстителем германских имперских интересов Й. Тербовена, в компетенцию которого входило осуществление высшей правительственной власти в гражданской сфере. Помимо этого тот наделялся полномочиями издавать соответствующие правовые нормы. Имперский комиссариат, создавший управление по надзору за норвежской администрацией, действовал и после 1 февраля 1942 г., когда Тербовен предложил Квислингу пост министра-президента Норвегии.

Выступая перед членами нового правительства, Тербовен пообещал, что будет соблюдать Конституцию страны и даже объявил амнистию всем беженцам, уехавшим из страны за время оккупации. После такого выступления даже многие евреи поверили словам рейхскомиссара и вернулись из Швеции в Норвегию.

В стране были оставлены в силе норвежские законы, конституция, местная администрация. Легально действовали все политические партии. Органом сотрудничества правящих кругов страны с оккупационными властями стал Административный совет из умеренных коллаборационистов, заручившихся, кстати говоря, согласием короля и его правительства.

Правда, уже 25 сентября 1940 г. Тербовен выступил по норвежскому радио с изложением новой политики немецких властей в Норвегии, в соответст-

вии с которой король был объявлен лишенным престола, запрещались все политические партии, кроме партии Квислинга, парламент и Административный совет распускались; газеты, издававшиеся политическими партиями, были закрыты. С одобрения оккупантов сторонники норвежского “фюрера” В. Квислинга заняли официальные руководящие посты в управлении и общественных организациях.

Поскольку имя “Квислинг” стало ПОНЯТИЕМ, то уделим ему пару слов.

2. Из России – с любовью (и даже с двумя)

Квислинг не был самым радикальным национал-социалистом (с ударением на “национал”). В королевстве были нацидеры и покруче (в смысле радикализма), но немцы сделали ставку именно на него, чтобы не раздражать невозмутимых норвежцев совсем уж безбашенными и откровенными отморозками. Он родился в 1887 году в семье пастора – крупнейшего демонолога Норвегии, автора “классического” труда “Души ангелов”. Выходец из древнего норвежского рода, Квислинг-младший получил военное образование и дослужился до майора. В апреле–декабре 1918-го служил военным атташе в Петрограде. Вместе с Фритьофом Нансенем он работал в Советском Союзе во время голода в 1920-е годы. В 1931–33-м занимал должность военного министра (от Аграрной партии). Однако всерьез его на этом посту никто не воспринимал, что повергало Квислинга в немалую печаль. Для него “придерживали” некоторое время престижную должность в норвежском генштабе, но и там что-то не срослось. Норвежской элите, ориентировавшейся на Англию, этот германofil был попросту не нужен, что обрекало амбициозного политика играть роль сущего отщепенца (маргинала). Это было для него тем более обидно, что сам он, безо всякого сомнения, относился к числу элитариев.

В 1930 году Квислинг выпустил книгу “Россия и мы”, в которой заявил о себе как лютой антисоветчик. 17 мая 1933 года, в день Конституции Норвегии, при помощи своих немецких товарищей Квислинг основал партию “Национальное соглашение” (норв. *Nasjonal Samling*), получив членский билет партии под № 1. Сам Квислинг занимал в партии должность вождя (норв. *Fører* – фёерер). Политический успех партии был относительным: на выборах 1933 года, через три месяца после основания партии, она набрала около 28 тысяч голосов. На следующих выборах 1936 года фашистская партия, которая пропагандировала прогерманскую и антисемитскую политику, набрала около 50 тысяч голосов.

Квислинг был дважды женат и оба раза на русских женщинах, что характеризовало его как последовательного и верного единожды избранным принципам политика и человека. Правду сказать, во время пребывания в России он обзавелся не одной, а двумя женами, став двоеженцем. Жен он привозил из поездок в Россию. Первую – 17-летнюю Александру Воронину – из первой поездки, а Марию Пасечникову – из второй. Дело кончилось тем, что Александру сплавил во Францию.

Мария Пасечникова дождала до глубокой старости, оставаясь верной идеям своего мужа и германского фюрера, портреты которых висели у нее на стенке вплоть до самой ее кончины, последовавшей в 1980 году; она тоже не могла поступаться своими принципами и оставила свои мемуары.

После возвращения из СССР Квислинг едва не закрутил роман с “коммунизмом”, сблизившись зимой 1925 года (на непродолжительное время) с руководством Норвежской рабочей (НРП), входившей, кстати, до 1923 года в Коминтерн, и Коммунистической партий, предложив им создать свои вооруженные отряды. Неясно было, впрочем, в какой мере данное предложение было выражением его политических убеждений, тем более что впоследствии Квислинг упорно отрицал, что был сторонником в той или иной форме марксистской революции в Норвегии.

В дальнейшем Квислинг громогласно и на всех углах провозглашал, что главным противником Норвегии являются коммунизм и СССР. Или наоборот: СССР и коммунизм.

В целом же весьма расплывчатые идеи лидера норвежских нацистов можно было бы характеризовать в качестве социально-консервативных и националистических. Социалистическими они были, скорее, по видимости. Сам же лидер оставался, в сущности, приверженцем идеи корпоративного государства, власть в котором формировалась бы “сверху вниз”.

Наибольшую поддержку его идеям оказали крестьяне, разорявшиеся в условиях проводимой властями проанглийской экономической политики, а также радикальная националистически настроенная интеллигенция.

Впрочем, единого представления о национализме в норвежском обществе не существовало, и, по мнению ряда норвежских историков, следовало бы говорить о двух его направлениях: собственно норвежско-националистическом и прогермански-нацистском. Следует отметить, что начало Второй мировой войны вообще ознаменовалось в Норвегии резким всплеском национализма.

В целом же можно сказать, что это был лидер из “европейского захолустья”, каковым считали свою страну норвежцы, и таких как он “фюреров” вошло в тогдашней Европе немало.

Во время немецкой оккупации Квислинг пытался в рамках возможного вести собственную игру “независимого фюрера норвежской нации” и часто бежал даже впереди германского паровоза, однако в целом “своя игра” у него по объективным причинам не задалась и задаться не могла.

9 мая 1945 г. министр-президент “всёя Норвегии” сдался, не оказав сопротивления, новым властям, вызвав к себе на дом полицию, которой до того дня командовал. И действительно, не самому же ему было идти в участок и не такси же ради такого дела вызывать! Вскоре он был обвинен в государственной измене и принял почетную смерть от пороха и свинца в крепости Акерсхаус.

В тюрьме Квислинг объявил себя мучеником за “великую Норвегию от моря до моря”. Неясно, правда, от какого и до какого: то ли от Баренцева до Северного, то ли от Гренландского до моря Амундсена. В перерывах между заседаниями суда составил свое генеалогическое древо, в котором возводил свою родословную к хозяину Валгаллы богу Одину (Вотану) – покровителю военной аристократии и повелителю валькирий. Кажется, это был первый европейский руководитель со столь знатной родословной.

3. Сопротивленцы активные и пассивные

Норвегию, как это ни странно, можно формально отнести к странам-победительницам во Второй мировой войне, поскольку король Хокон Седьмой вместе со своим правительством в эмиграции присоединился после Новогоднего застолья – 1.01.1942 г. – к антигитлеровской коалиции, т. е. будущим победителям. А разве присоединившийся в самый разгар драки к победителю не есть ПОБЕДИТЕЛЬ? Хотя бы и чисто юридически?

Итак, Норвегия “расколосась” на Норвегию de jure и Норвегию de facto.

Норвегию de jure представлял благородный король Хокон Седьмой со своим правительством, а Норвегию de facto – рейхскомиссар Й. Тербовен и В. Квислинг со своей администрацией. А посему норвежское сопротивление приходится поневоле рассматривать в двух его ипостасях.

Итак, Норвегия de facto оказалась оккупированной. Как воспринимали норвежцы оккупацию и как противились они ей?

Были те, кто если и не приветствовал оккупацию открыто, то усматривал в ней некую политическую благодетельность для страны. Были и такие, кто остро чувствовал неизмеримое превосходство “сумрачного германского гения” над “духом торгашества” и посему приветствовал приход немцев как носителей идей “освобождения”. К их числу относился выдающийся норвежский писатель К. Гамсун, выступивший по радио с речью, в которой призвал соотечественников поддержать правительство Квислинга.

После войны Гамсуна судили за коллаборационизм, но из-за преклонного возраста сочли слабоумным и отправили в дом для умалишенных, оштрафовав заодно на четыре пятых его состояния. Ан и впрямь: зачем сумасшедшему деньги? До сих пор в Норвегии (стране, буквально утыканной памятниками всем и вся) нет ни одного памятника Гамсуну – человеку, прославившему свою страну в начале двадцатого века, но запятнавшему себя по чисто культурологическим соображениям коллаборационизмом.

Что же до политиков и политических партий, то о них ясно выразился норвежский писатель С. Хель, отмечавший, что приход немцев горячо приветствовали правые, видевшие в Гитлере защиту от самого страшного пугала – большевизма, и крестьянская партия, воссылавшая хвалу Господу за Гитлера.

Было, было. Правда, теперь вспоминать об этом дурной тон и почти что

криминал. А сразу же после окончания войны начался процесс активного вытеснения из памяти этих неприятных обстоятельств, в результате чего Норвегия предстала в роли страны-страдальцы, оказывавшей в едином порыве героическое внутреннее и внешнее сопротивление оккупантам.

И, наконец, главное. Отсутствие воли к сопротивлению, наглядно продемонстрированное норвежской армией, да и всем норвежским обществом, отсутствие желания противостоять агрессору было лучшим свидетельством тому, что “новый порядок” не рассматривался в качестве чего-то совершенно неприемлемого для норвежцев. И они были в этом отношении не одиноки: отсутствие желания противостоять национал-социалистской Германии наглядно показала и “остальная Европа”: Франция, Бельгия, Голландия, Чехословакия и уж тем более Австрия.

Что ж, в самую пору поговорить о Сопротивлении и сопротивленцах.

Сопротивление, как известно, бывает активное и пассивное. В качестве пассивного сопротивления можно привести историю двух норвежских фермеров, оказавших помощь советским военнопленным и попавших за это в немецкий концлагерь.

4. Добрые самаритяне

Двое стариков-фермеров попали в концлагерь из-за того, что помогли бежать русским пленным. Однажды к находящемуся уже в преклонных летах Перу Гулану пришел русский военнопленный и спросил, как лучше пройти в Швецию. Старик показал тропу. А через несколько часов по следу пришло трое немецких солдат.

— Видел русского?

— Да, видел, — вежливо ответил старик. — И дорогу ему показал.

От удара старик свалился на землю. Больше от него не удалось добиться ни слова за все два года заключения. “Не разговариваю с людьми, которые в ответ на вежливые слова лезут с кулаками в лицо”, — говорил он после освобождения.

Другой крестьянин, по фамилии Таросен, умер в лагере. К нему тоже пришли трое русских. Он накормил их, пустил ночевать и наутро, указав кратчайший путь в горы, снабдил хлебом, сыром и удочками для ловли рыбы. А когда через некоторое время к нему в поисках бежавших русских пришли немецкие солдаты и спросили, не видел ли он русских — с той же откровенностью ответил, что не только видел, но, как добрый самаритянин из Евангелия, оказал им милость. Когда нацисты избивали его, он все время повторял: “Если бы и вы пришли ко мне за милосердием, я оказал бы вам его”. И об этом твердил все время заключения в концлагере до самой своей смерти.

После войны жена кузнеца из окрестностей Бергена Мария Эстрем издала документальную книгу воспоминаний под названием “Дневник русской мамы”. В советское время эта книга была издана на русском языке, а сама М. Эстрем — удостоена советского ордена Отечественной войны. И подобных примеров христианского милосердия со стороны простых норвежцев было немало.

Гораздо хуже обстояли дела в оккупированной Норвегии с сопротивлением активным, то есть с сопротивлением с оружием в руках. Здесь надобно отметить, что данный род сопротивления норвежцам в сущности **навязали** английские спецслужбы и НКВД вкуче со Смершем и ГРУ.

Весной 1941 г. возник подпольный центр военного Сопротивления, получивший сокращенное название “Милорг”. А уже зимой 1941/42 г. сложился руководящий центр гражданского Сопротивления — Координационный комитет, имевший сеть подпольщиков по всей стране и видевший свою задачу в противодействии фашизации и накоплении сил для начала восстания в тот момент, когда союзники высадятся в Норвегии. Они настороженно относились к актам саботажа и диверсий, организуемым британским УСО. Это обстоятельство обусловило, как отмечает без тени иронии ряд современных исследователей, преобладание в норвежском Сопротивлении невооруженных форм борьбы.

К концу войны “Милорг” располагал так и не вступившей в бой сорокатысячной подпольной армией. А 7–9 мая 1945 г. его отряды взяли на себя охрану порядка в стране, благо сопротивления со стороны капитулирующих частей вермахта они не встретили.

Тем самым Норвегия продемонстрировала всему миру текучесть и проблематичность границ, разделяющих – не только в понятийном, но и практическом планах – военное и гражданское сопротивление. Впору даже вводить в научный оборот новое понятийное членение: **активное и пассивное военное сопротивление**.

Были известны случаи, когда организовывались даже ООО и ЗАО с целью помощи беженцам в пересечении шведской границы. В частности, возникла фирма “Перевозки Карла Фридрихсена”, которую основал бывший полицейский Альф Петтерсен, работавший в тесном контакте с Сопротивлением. В период с октября 42-го по середину января 43-го, когда Петтерсен с женой были вынуждены бежать от гестапо за рубеж, два грузовика компании курсировали четыре-пять раз в неделю от Осло до границы. На каждом автомобиле было место для двадцати человек, спрятанных среди перевозимой картошки, сена или деталей машин. Ярым с шофером всегда располагался проводник из Народного фронта. По самым заниженным оценкам, за одиннадцать недель своего существования “Перевозки Карла Фридрихсена” доставили в безопасную Швецию свыше тысячи человек.

Ярким примером воли рядовых норвежцев к сопротивлению оккупантам стала так называемая Молочная забастовка, случившаяся в Осло в сентябре 1941 года. Справедливости ради, героями ее следует назвать и оккупационную администрацию и местные власти, прославившиеся своим ротозейством и головоупяцтвом в вопросах продуктового снабжения столицы Норвегии.

8 сентября 1941 года, когда рабочие не получили положенных им молока и сливок на своих предприятиях, они, не сговариваясь, покинули свои рабочие места и разошлись по домам. Оставить столицу без молокопродуктов – такого не случилось со времен викингов! И уже на следующий день, 9 сентября, в забастовке приняли участие около 25 000 рабочих Осло. Двое зачинщиков забастовки были расстреляны, лидеры профсоюзного движения перешли на нелегальное положение, однако перебои с продовольственным снабжением прекратились.

А какое же сопротивление без Штирлицев? Были в Норвегии и свои штирлицы, точнее, один, а еще вернее, одна. Это была известная красавица и актриса Соня Вигерт (1913–1980). Начиная с 1941 года Соня активно сотрудничала с норвежским сопротивлением, точнее, со шведской разведкой, агентом которой она стала в 1942 году, получив оперативный псевдоним “Билл” (“Bill”).

В августе этого же года она была направлена на родину с целью установления связей в среде высшего немецкого командования для сбора информации. Ей без особого труда удалось очаровать рейхскомиссара “всея Норвегии” Й. Тербовена. Внимание к ослепительной нордической красавице со стороны Тербовена росло параллельно с запросами “Билла”, в результате чего в 1942 году Соня Вигерт вступила в контакт с американской разведкой, представленной американской дипмиссией в Стокгольме. С 1944 года она уже официально работала на американскую разведку (Office of Strategic Services) – мать ЦРУ.

Однако тут вышел досадный казус: к осени 1943 года СД и гестапо имели уже достаточно информации о деятельности Сони Вигерт, чтобы заподозрить её в антигерманских настроениях, и шланг, по которому поступал к ней “информационный кислород”, был туго зажат немецким гаечным ключом.

Нельзя сказать, что вооруженного сопротивления в Норвегии совсем уж не было. Однако организаторами и вдохновителями его были не король и правительство Норвегии в эмиграции, а Черчилль со своим Special Operations Executive (SOE) и тов. Сталин со своими НКВД и Смершем.

Речь в данном случае должна идти о трех группах, использовавших методы и тактику спецподразделений: “Рота Линге” (Company Linge), “группа Шетланд” (Shetland) и партизаны северного норвежского региона Финнмарк (Finnmark).

“Рота Линге” и “группа Шетланд” были сформированы на начальном этапе войны британскими властями в рамках SOE. SOE была секретной организацией, созданной в 1940 году Черчиллем “для саботажа и подрывной деятельности на оккупированной врагом территории и для создания ячеек обученных людей для оказания помощи группам сопротивления”. Их диверсионно-разведывательная роль и задачи не менялись всю войну. Именно в них служили герои

норвежского Сопrotивления Тур Хейердал и ставший после войны личным телохранителем короля Хокона Макс Манус, действовавшие, кстати, не без ведома и благословения НКВД. Напомним, что Т. Хейердал забрасывался в Норвегию с советской территории, а М. Манус проник через СССР в Турцию, из которой и отбыл в Новый свет. Согласитесь, СССР отнюдь не был проходным двором, чтобы какой-то беглый норвежец смог проехать по нему с севера на юг да еще и перебраться на Туретчину!

Именно английские командос, в составе которых были норвежцы, и взорвали в феврале 1943 года хранилища тяжелой воды на заводе в Рьюкане — вошедшая в историю Второй мировой войны операция “Gunnarside” (“Ганнерсайд”). Через год он был добомблен англо-американской авиацией в ноябре 1944-го.

Третья группа, партизаны Финнмарка, менее известна, так как действовала она под командованием советских войск и состояла из лиц, бежавших на восток после немецкой оккупации. Эта группа была организована и обучена НКВД. Хотя их операции начались еще в конце 1940 года, деятельность их оценивается обычно в период 1941–44 гг. Партизанские операции были сфокусированы в Тромсе и Финнмарке, двух самых северных областях Норвегии. Эти партизаны оказали серьезную помощь 14-й советской армии в районе Западная Литса в советском Заполярье.

Именно их деятельность привела к успешному разрушению советскими войсками немецкой инфраструктуры 70-тысячной группировки вермахта в Финнмарке и Северной Финляндии. В результате советская авиация наносила успешные удары по немецким складам, базам, фортификационным сооружениям. Однако большая часть разведывательных сетей в восточном Финнмарке была вскрыта.

Точное число партизан, обученных советской разведкой, до сих пор неизвестно, но по разным оценкам оно может составить около 75 человек. Норвежский историк Р. Ульстер считает, что 35 из них были убиты, а бежавшие или попавшие в плен уверены, что погибли почти все.

Однако самым боеспособным отрядом норвежского Сопrotивления стали наши соотечественники. с нацистским режимом активно боролась целая русская армия, отличавшаяся высокой боеспособностью и железной дисциплиной. Армия эта состояла из бежавших с гитлеровской каторги советских солдат и офицеров, а командовал ею бывший разведчик, начальник Информационного управления ГРУ, подполковник Василий Андреевич Новобранец.

В один прекрасный день немецкий концлагерь, в котором находился подполковник Новобранец, прекратил свое существование. Наши пленные разоружили и ликвидировали охрану. Оружия же в лагере хватало на целый батальон. После этого первая на территории Норвегии советская воинская часть отправилась на освобождение других военнопленных. Вскоре батальон вырос в полк, затем перерос в дивизию и, наконец, превратился в настоящую, хорошо вооруженную армию с грамотными командирами и бесстрашными солдатами. Эта армия, задолго до капитуляции Германии, сумела очистить Норвегию от гитлеровцев, после чего разместилась гарнизонами по стране. Бывший военнопленный, а ныне командующий самостоятельными войсками В. Новобранец пользовался огромным авторитетом у норвежцев. С большим уважением и, надо полагать, с легкой опаской относился к нему и возвратившийся в Норвегию в июне 1945 года страну славный король Хокон.

Это совершенно отдельная и драматическая история. Уже закончилась война, подписан акт о капитуляции Германии, а войска В. Новобранца так и стояли в Норвегии, не зная, как им вернуться домой.

Наконец, Новобранец обратился к самому королю с просьбой обговорить с правительством СССР вопрос об эвакуации его солдат. Его величество моментально согласился, поскольку присутствие хорошо вооруженных русских на территории королевства приводило его в легкое смущение и даже замешательство. И король героически сел сочинять письмо самому товарищу Сталину.

В. Новобранца проверяли целых десять лет. Выручили его норвежские друзья, приехавшие в СССР в 1954 году и потребовавшие у Председателя Совмина встречи с ним.

В кратчайший срок В. Новобранца доставили спецрейсом в Москву, восстановили в армии, присвоили очередное звание полковника, после чего устроили встречу с его норвежскими соратниками. В. А. Новобранец повторно

отучился в Академии Генштаба, служил Родине и умер в 1984 году. Однако его мемуары, касавшиеся освобождения Норвегии и “службы” героическому королю Хокону VII, до сих пор так и не опубликованы.

5. Добровольческий легион “Норвегия”

Сопrotивление – понятие довольно расплывчатое, если не сказать, мутное, и обозначает оно по сути оборону. А лучшая оборона – это, как известно, нападение. Так что к числу “активных сопротивленцев” – правда, уже не Германии, а СССР – можно отнести и норвежских бойцов из Добровольческого легиона “Норвегия” и прочих заблудших подданных доброго короля Хокона, служивших в частях СС-Ваффен.

В июне 1941 года призыв иностранных добровольцев в “германских” странах шел довольно бойко. Многие члены пронацистских партий присоединились к “крестовому походу” против большевизма. Агитация была незамысловата, зато эффективна и сводилась к нехитрой формуле: “Ты, Юхан (Свен, Шарль, Кеес) против немца ТВАРЬ ДРОЖАЩАЯ, а с немцем ты, Юхан (Свен, Шарль, Кеес) – СВЕРХЧЕЛОВЕК!” Сверхчеловеками хотели стать, на первых порах, многие. К тому же многие политические и иные деятели, открывавшие вербовочные пункты в своих странах, крепко рассчитывали (как голландцы или норвежцы – в лице Квислинга) на получение своей доли русской земли.

Правда, первоначально Квислинг замахнулся на незамерзающий порт Мурманск вкупе со всем Кольским полуостровом, в подземных кладовых которого залегают буквально все элементы периодической таблицы Менделеева. Однако германский фюрер ответил своему норвежскому вассалу весьма жестко, и раскатавшему губу – не дуру Квислингу пришлось закатать ее обратно и обратить свои взоры на украинские черноземы, которые и были вскоре проинспектированы его аграриями.

В результате активных пропагандистских мероприятий во фронтовых частях и различных военизированных соединениях германского фюрера оказалось до 100 тысяч скандинавских добровольцев. Почти каждый десятый из них не вернулся с Восточного фронта, на котором потомки варягов воевали с первых часов войны.

К концу июля 1941 года в Германию отправились первые триста норвежских добровольцев. После прибытия в Киль они были отправлены в учебный район Фаллинбостел. Здесь первого августа 1941 года был официально создан добровольческий легион “Норвегия”. В середине августа сюда прибыли еще 700 добровольцев из числа бывших подданных отважного короля Хокона, а также 62 добровольца из норвежской общины в Берлине.

16 марта 1942 года легион численностью более 2000 человек прибыл на Ленинградский участок фронта. В нескольких километрах от Ленинграда норвежцы были введены в состав 2-й пехотной бригады СС. После прибытия части легиона стали нести патрульную службу, а затем принимали участие в боях на фронте до мая 1942 года.

В это же время на фронт прибыла первая из четырех полицейская рота Норвежского легиона, созданная в Норвегии из пронемецки настроенных полицейских, “отметившихся” своими зверствами у Константиновки, Красного Бора и Красного Села над советскими подпольщиками и партизанами. Так, лишь с 24 октября по 5 ноября 1941 г., было казнено 118 человек, из них 31 за агентурную деятельность.

Несли свою службу норвежские эсэсовцы и в концлагерях Ленинградской области: таковых лишь под одной Гатчиной было целых три.

Надо сказать, что новоявленным варягам на фронте если и везло, то не слишком. С первых же дней долговязые борцы с коммунизмом стали отличной мишенью для наших снайперов, о чем писал в своих воспоминаниях один немецкий артиллерист (Липпих В. “Беглый огонь. Записки немецкого артиллериста 1940–1945 гг.” М.: Яуза-пресс, 2009). А посему охотникам на русского медведя приходилось сидеть в окопах согнувшись в три погибели, уже не мечтая разглядеть его берлогу.

После успешного выполнения своих полицейских функций на оккупированных территориях Ленинградской области норвежские эсэсовцы были отправлены под Минск для борьбы с партизанами. Но и там им не слишком везло. В феврале 1943 года 800 оставшихся в живых легионеров были соединены

с запасными ротами, а в конце марта легион был выведен с фронта и отправлен обратно в Норвегию.

Эти субъекты “активного вооруженного сопротивления” были признаны преступниками и осуждены послевоенным норвежским судом к различным срокам тюремного заключения и каторжным работам. Осуждены были и вернувшиеся из плена эсэсовцы.

Памятников в современной Норвегии им, как преступникам, не ставят. Зато один такой поставлен им в России. И надо же было такому случиться, что именно в Красном Селе, где они прежде и зверствовали. Так, 23 августа 1998 года в Красном Селе – пригороде Санкт-Петербурга – был открыт и освящен настоятелем местной церкви памятник норвежским оккупантам, погибшим на Ленинградском фронте во время блокады города. Памятник, точнее могильный камень, поставлен на территории церкви святого Александра Невского.

В российской печати об этом эпохальном событии, происшедшем по благословению главы местной администрации в лице **В. В. Фролова**, не было проронено отчего-то ни слова. По словам председателя приходского совета **О. Б. Поликарповой**, норвежцы, погибшие в Красном Селе, были “насильно” пригнаны под Ленинград: “Они хотели служить в Финляндии, а не воевать в России, их обманули, и они стали просто пушечным мясом”. Установка мемориального камня была поддержана и немецко-русской организацией “Примирение” (занимающейся поиском и захоронением останков немецких солдат, погибших в Ленинградской области) во главе с **Юрием Лебедевым**. Широкий, ох, широкий русский человек. Впору бы кое-кого из нашего брата-русака и впрямь сузить!

Среди добровольцев, состоявших в нацистской партии и воевавших в таких частях, как полк “Нордланд” в составе дивизии СС “Викинг” (Восточный фронт), убито около 1000 человек. Число погибших бойцов Сопротивления – **2091 человек.** Жертвы бомбардировок союзников – **752 человека.** Участниками движения Сопротивления уничтожено **65 норвежцев** и **15 немцев.**

Полтора десятка убитых оккупантов – это, бесспорно, изрядное достижение норвежского Сопротивления.

Одним словом, норвежским историкам еще предстоит выяснять и выяснять, на каких фронтах норвежцы “сопротивлялись” пуще: на своем собственном – норвежско-германском или все же на советско-германском.

6. Освобождение

Успешное проведение советскими войсками Выборгско-Петрозаводской стратегической наступательной операции вынудило Финляндию выйти из войны. К осени 1944 года войска Карельского фронта в основном вышли на довоенную границу с Финляндией, за исключением Крайнего Севера, где гитлеровцы продолжали занимать часть советской и финской территорий. Германия стремилась удержать за собой этот район Заполярья, являвшийся важным источником стратегического сырья (медь, никель, молибден) и имеющий незамерзающие морские порты, в которых базировались силы германского флота. В районе Лапландского “гранитного вала”, в труднопроходимой горно-лесистой местности со множеством скал, рек, озер и болот за три года была создана сильная оборона, состоявшая из трех полос глубины до 150 км. На фронте длиной около 100 км тянулись надолбы и противотанковые рвы, густые минные поля и проволочные заграждения. Они перехватывали все горные перевалы, лощины и дороги, а господствовавшие над местностью высоты представляли собой настоящие горные крепости.

В общем, для “русского медведя” настала пора освобождаться и от своих норвежских “освободителей”.

Командующий войсками Карельского фронта генерал армии К. А. Мерецков писал: “Под ногами тундра, сырая и какая-то неудобная, снизу веет безжизненностью: там, в глубине, начинается лежащая островками вечная мерзлота, а ведь солдатам приходится спать на этой земле, подстилая под себя лишь одну полу шинели... Порой земля вздымается голыми громадами гранитных скал... Тем не менее, нужно было воевать. И не просто воевать, а наступать, бить врага, гнать его и уничтожить. Пришлось вспомнить слова великого Суворова: “Где прошел олень – там пройдет и русский солдат, а где не пройдет олень – там все равно пройдет русский солдат”.

В Петсамо-Киркенесской стратегической операции войскам 14-й армии Карельского фронта предстояло нанести удар в направлении на Луостари и Петсамо (Печенгу), освободить эти города, разгромить в Заполярье основные силы немецкого 19-го горнострелкового корпуса и в дальнейшем наступать на Киркенес в Северной Норвегии. Северный флот должен был содействовать 14-й армии высадкой морских десантов на побережье; кораблям также ставилась задача блокировать порты Петсамо и Киркенес и воспрепятствовать противнику эвакуировать свои войска морем. Планировалась активизация действий подводных лодок. С воздуха наши войска поддерживали 7-я воздушная армия и авиация Северного флота.

Так оно и вышло. И тут благородный король Хокон, получив в Лондоне известие о вступлении Красной Армии в пределы своего королевства, вспомнил о “вековой дружбе” русского и норвежского народов и выступил с обращением к своему народу по лондонскому радио. Его выступление было вполне под стать знаменитой Песне Варяжского гостя из бессмертной оперы Н. А. Римского-Корсакова.

Не исключено, что при этом он держал в уме и щекотливую мысль о том, что теперь норвежские коммунисты, вдохновленные успехами советских войск, начнут “реформировать” норвежскую конституцию, после чего ему, благородному Хокону, придется перекалцифицироваться в персональные пенсионеры, а его сыну – наследнику престола – подыскивать себе другую работу.

И вот что сказал тогда своему припавшему к радиоприемникам народу мудрый король Хокон:

“Русская угроза” – явление не новое. Мы знаем миф о “русских точильщиках”.

Тут надобно напомнить, что накануне Первой мировой войны пресса в Швеции и Норвегии подняла шум вокруг русских точильщиков, которые приезжали в Скандинавские страны на временную работу. Они ходили по провинциальным городам, селам и хуторам, занимаясь своим ремеслом. Скандинавские газеты бесосновательно приписывали им занятие шпионажем.

“Новое, что пришло после русской революции, – продолжал не страдавший плохой памятью благородный король Хокон, – “большевистская угроза”. **Сейчас нет никаких доказательств, что Россия имела по отношению к Норвегии какие-либо агрессивные планы. Наоборот, нет недостатка в доказательствах того, что страх перед русскими и большевиками систематически возбуждается государственными и кругами, имеющими агрессивные планы против России. В истории, начиная с 1918 г., имеется более чем достаточно тому примеров”.**

Это был увесистый бульжник, запущенный прямо в бульдожью морду Черчилля – милостивца Хокона Седьмого.

“Представители реакционных кругов пытались посеять этот страх и в норвежском народе, – все более и более воодушевлялся в своей речи пламенный король норвежцев. – Эти круги заинтересованы в том, чтобы норвежское население поддерживало войну Гитлера против Советского Союза. И эти люди хотят прийти к власти в Норвегии после войны.

На международной арене Советский Союз был решающим фактором в борьбе демократических стран против гитлеровского варварства. В нашей национальной борьбе норвежские коммунисты стояли в первых рядах мобилизации боевых сил народа против угнетателей и против тех, кто не хочет, чтобы развитие после войны пошло на основе конституции. Путь к свободной, независимой, демократической Норвегии – это путь лояльного и тесного сотрудничества со всеми объединенными нациями, в том числе и с Советским Союзом. Этот путь ведет через откровенное сотрудничество всех честных патриотических сил в норвежском народе, включая коммунистов.

У нас есть много доказательств дружбы и симпатий правительства Советской России и русского народа к нашей стране. И мы с восхищением и восторгом следим за героической и победоносной борьбой Советского Союза против нашего общего врага. Долг каждого норвежца – оказывать нашим советским русским союзникам самую большую поддержку”.

Надо полагать, что подданные, прослушавшие речь своего возлюбленно-го монарха, разом выпали в осадок. Прежде они слыхивали о русских и со-

ветских большевиках совсем иные речи и привыкли к совсем иному **практическому** отношению правительства его величества к косматому русскому медведю. Но... все течет, но не в одну и ту же реку.

Надо сказать, что подданные не забывали Хокона, когда он находился в добровольном лондонском изгнании. Так, однажды специально для него была привезена контрабандой ёлочка с его любимой родины. А уже после возвращения королевской семьи в Осло у норвежцев сложилась традиция посылать каждый год пушистую норвежскую красавицу в Англию, где её устанавливают на Трафальгарской площади в Лондоне. Так по сию пору благодарят норвежцы своих братьев-англичан за их поддержку во время немецкой оккупации.

... 8 мая в Норвегии, как и в других странах Европы, отмечается День Освобождения. В этот день в 1945 году состоялась капитуляция Германии.

Акт капитуляции, как известно, был подписан сепаратно 7 мая в Реймсе (Франция), что вызвало резкую реакцию Москвы. В тот же день поздно вечером командующий немецкими войсками в Норвегии генерал Ф. Бёме получил распоряжение о капитуляции всех частей и подразделений. В 22.00 по радио NRK норвежцы услышали официальное подтверждение о завершении войны и оккупации страны.

Формальная же капитуляция состоялась на следующий день, 8 мая, в 23.30 по местному времени в Лиллехаммере, где находилась штаб-квартира немецкого командования. На улицах норвежских городов к тому времени уже шли народные ликования.

Всего к тому моменту в Норвегии находилось около 351 тысячи немецких солдат. Как отмечают норвежские историки, правительство в Лондоне, **опасаясь возмозных провокаций**, призвало норвежские отряды Сопротивления к спокойствию и порядку. Однако обошлось без эксцессов, и оккупанты, и еще вчера оккупируемые сидели тихо – тише воды, ниже травы, явно опасаясь неадекватной (или, напротив, адекватной) реакции “своих партнеров по переговорам”. Правда, вторые радовались больше первых. В тот же день рейхскомиссар Й. Тербовен и ряд нацистских лидеров покончили с собой, другие, включая Квислинга, были арестованы и преданы суду.

11 мая прошла церемония сдачи крепости Акерсхус норвежским частям. 13 мая в столицу прибыл кронпринц Олаф, его приезд также ознаменовался бурным народным ликованием. Остальные члены королевской семьи, в том числе король Хокон, прибыли 7 июня, – в тот же день, когда они покинули страну в 1940 году. До этого момента страна в течение месяца после германской капитуляции формально управлялась вооружёнными силами союзников.

А теперь о предмете, вынесенном в заглавие нашего эссе. О канцелярской скрепке – изобретении сумрачного варяжского гения. В годы оккупации скрепка стала символом “норвежского сопротивления”. На сей счет в королевстве бытуют две льстящие вольному варяжскому духу версии.

Версия первая

В феврале 1942 года администрация Квислинга издала указ о создании Национального педагогического союза, в который должны были войти все учителя начальных и средних школ, что должно было гарантировать воспитание подрастающего поколения в духе национал-социализма. Надо сказать, что такие, прямо скажем, дуболомные директивы были следствием требования германского фюрера “Верните мне норвежцев!” и были отданы “во исполнение” его поручения обеспечить максимальную лояльность населения.

Однако, как утверждают современные норвежские источники, “практически все учителя отказались вступать в нацистскую организацию, так как воспитание детей по нацистскому образцу противоречило их совести”. Тогда правительство начало увольнять и арестовывать учителей. Более 1300 учителей были отправлены в концлагерь, 500 на принудительные работы. В ответ начались забастовки всех учебных заведений Норвегии. В качестве знака солидарности с учителями и участниками забастовки было предложено носить на одежде (лацкане пиджака, воротнике, кармане и т. д.) обычные канцелярские скрепки. В результате, видя нарастающее сопротивление населения нацистским порядкам, оккупационные власти вынуждены были пойти на уступки. В октябре 1942 года **ВСЕ** арестованные учителя были отпущены, а членство учителей в Национальном педагогическом союзе стало не обязательным.

Версия вторая

По этой версии, местным жителям запрещалось носить любые значки с изображением или инициалами норвежской королевской фамилии, и тогда символом единения нации и патриотизма стала обычная скрепка. “За скрепку на лацкане пиджака можно было запросто угодить в тюрьму, а то и лишиться жизни”, как утверждают все те же современные норвежские источники. С тех пор норвежцы очень трепетно относятся к этому предмету офисного обихода, почитая его своеобразным символом нации.

В январе 1990 года в Норвегии был воздвигнут единственный в мире памятник скрепке. Выполненная из нержавеющей стали, она была установлена в Осло, а через девять лет попала и на почтовую марку, чего удостаиваются далеко не многие проминенции.

Вот как надо бороться с иноземными захватчиками за свое освобождение и побеждать — СКРЕПКОЙ, то есть малой кровью, пусть и на своей территории. Так что, кто более матери-Норвегии ценен — Скрепка или же Хокон Седьмой — это еще большой вопрос.

А теперь подытожим. Итак, число погибших норвежских солдат составило около двух тысяч.

Среди добровольцев, состоявших в нацистской партии и воевавших в таких частях, как полк “Нордланд” в составе дивизии СС “Викинг” (Восточный фронт), убито около 1000 человек.

Число погибших бойцов Сопротивления — 2091 человек.

Жертвы бомбардировок союзников — 752 человека.

Участниками движения Сопротивления уничтожено 65 норвежцев и 15 немцев.

В советском плену, по данным Управления по делам военнопленных и интернированных Министерства внутренних дел СССР от 12 октября 1959 г., находился 101 подданный короля Хокона.

Норвежцев называют иногда “русскими Скандинавии”.

Ну, не знаю, не знаю...

Уничтожить за годы оккупации **65** гитлеровских прихвостней и **15** немцев — это для русских партизан, пожалуй, чересчур.

III. КОРОЛЬ-БЕЛОШВЕЙКА

Быть нейтралом — это всегда придерживаться политики “и нашим, и вашим”. Вернее сказать так: в каких-то областях действительно “и нашим, и вашим”, а в каких-то — “ни вашим, ни нашим”.

В ходе Второй мировой войны в нейтралах ходили в Европе Андорра, Испания, Ирландия (в пик Англии), Лихтенштейн, Монако, Португалия, Сан-Марино, Швейцария и Швеция. А на Востоке Афганистан, Иемен и Тибет. Может, и еще кто, ну да не суть — не будем вдаваться в дебри юридических фикций.

Нас же интересуют в данном случае шведы.

Шведы числились нейтралами с 1814 года — с момента подписания Кильского мирного договора, по которому датский король отдавал свое наследственное право над Норвегией королю шведскому. А за четыре года до этого на шведский трон вззошел бывший маршал Франции хитрый гасконец Бернадотт, на груди которого красовалась тщательно скрываемая с некоторых пор татуировка: “Смерть королям!”.

Принципиальный был товарищ.

Нелишне напомнить при этом, что королем шведов он стал благодаря русскому царю Александру Первому Благословенному. Но это уже тема другой диссертации.

Король Швеции Густав V (1858–1950) был из династии Бернадоттов и унаследовал от своего далекого предка не меньшую принципиальность, равно как и хитрость.

Вошел же он в историю Швеции как покровитель спорта. Именно Густав Пятый содействовал проведению в Стокгольме в 1912 г. Олимпийских игр, был страстным поклонником футбола, но, главное, отличным теннисистом, породив не к ночи будь помянутую традицию бегать в трусах по корту, вместо того чтобы работать на благо страны с документами. Под псевдонимом “Мистер Г.” он сам неоднократно участвовал в ряде турниров, в том числе и международных.

Другим же хобби короля была вышивка. Вышивал он и крестиком, и гладью на зависть иным белошвейкам и к восторгу своих набожных подданных.

А еще он дружил с Гретой Гарбо, поучаствовавшей, как и положено звезде первой величины, в шпионских делах. “Снежная Королева” водила дружбу как с датским королем Христианом X, так и со шведским Густавом V, что весьма поспособствовало переправке известного физика Н. Бора из Дании в Швецию, а оттуда в Англию и США, где тот всюю включился в процесс создания атомной бомбы.

1 сентября 1939 года первые немецкие бомбы упали на Варшаву.

Лондон развлекал слушателей музыкой: в эфире звучал красивый и немного грустный вальс, из Парижа также неслась в эфир музыка – что-то опереточное, веселое, Вена же – как это ни покажется странным – транслировала не вальсы Штрауса, но речь Гесса, обращенную к странам... Африки. Лишь воинственный Берлин передавал записанную на пленку патетическую речь фюрера.

Из Стокгольма также доносились звуки легкой музыки. Прослушав ее, Густав V выключил радиоприемник и посоветовал своему правительству выступить с декларацией о нейтралитете своего королевства.

Следует отметить, что нейтралитет Швеции со времен Ледового перехода М. Б. Баркляя-де-Толли был весьма зыбок, а перед Великой (Первой мировой) войной королевство припомнило вдруг все обиды, “чинившиеся ей Россией” со времен Петра Великого и чуть было не вступило в войну на стороне Центральных держав, т. е. Германии и Австро-Венгрии. От такого, прямо скажем, весьма опрометчивого шага Густава V уберегла превентивная мера командующего Балтийским флотом адмирала Н. О. Эссена, отправившего в первые дни войны к берегам королевства эскадру Балтийского флота.

Тем не менее, опасность вступления в войну Швеции на стороне Центральных держав против России сохранялась, и русская военно-морская разведка сравнивала политику Швеции с капризной женщиной, которая в любую минуту может изменить свое мнение в ту или другую сторону.

Декларированный нейтралитет был в одночасье забыт во время советско-финской войны, когда в Швеции был создан Добровольческий корпус, насчитывавший к концу войны 12 тыс. человек. Созданное по случаю “Движение солидарности” требовало даже отправки в Финляндию регулярных войск, однако после энергичных протестов советской стороны шведы от этой идеи отказались. Шведский Добровольческий корпус, как уверяют нас современные шведские историки, не участвовал в серьезных операциях, однако освободил финскую армию от несения караульной службы в обширных пограничных районах Северной Финляндии.

Совершенно иначе повели себя шведы менее чем через месяц после окончания советско-финской войны – 9 апреля 1940 года, когда гитлеровцы оккупировали Данию и вторглись в соседнюю Норвегию.

Тут уже ни один “доброволец” не был послан в Норвегию, где шли бои между немецкими войсками и отдельными частями норвежской армии. Ни одно орудие, – да что там орудие! – ни один патрон не был переброшен через шведско-норвежскую границу.

Сказать, что Швеция была не на шутку напугана решительностью германского фюрера – значит не сказать ничего. И хотя правительство и объявило о готовности защищать свой нейтралитет, военное командование прекрасно осознавало, что обороноспособность страны была серьезно ослаблена переброской значительной части военной авиации, артиллерии, а также всех видов военного снаряжения Маннергейму. Не были ослаблены лишь военно-морские силы и береговая оборона, однако адмиралы и высший офицерский состав был ненадежен, симпатизировал Германии и готовил военный переворот.

Во главе заговора стоял вице-адмирал Тамм. По его приказу военные корабли, вошедшие в фиорд, соединяющий Балтийское море с озером Маларён, на котором расположен Стокгольм, должны были высадить в ночь с 10 на 11 апреля десант, в задачу которого входил арест премьер-министра Ганссона и его правительства. В свою очередь, офицеры столичного гарнизона должны были оказать морякам помощь, блокировав военное министерство, полицию и верные правительству части.

Заговор, однако, не удался: узнав о нем, англичане проинформировали начальника контрразведки, а тот доложил начальнику генерального штаба.

Премьер-министр, получив сообщение о заговоре, тут же информировал короля. Было принято решение арестовать вице-адмирала Тамма и близких ему морских офицеров. Были произведены аресты и среди офицеров стокгольмского гарнизона.

Если политическая обстановка в Швеции относительно нормализовалась, то экономическое положение страны резко ухудшилось: полностью прекратилась торговля с западноевропейскими странами и Америкой. Торговые суда либо застряли в портах воюющих держав, либо были поставлены на прикол у шведских пристаней. Экспорт шведской железной руды, шедший через Нарвик, полностью прекратился. Лесная и целлюлозная промышленность северной Швеции, работавшая на Англию и США, остановилась. Внешняя торговля Швеции, игравшая значительную роль в ее экономике, сократилась за две недели германского вторжения в Скандинавию на 60 процентов. Финансовое положение страны стало отчаянным.

Шведскую элиту охватили чемоданные настроения. Первым сбежал из Стокгольма и из Швеции один из самых богатых ее жителей – крупный миллионер-промышленник Веннер-Грен. За ним последовали члены семьи миллионеров Бонниер. А банкиры Валленберги уже давно наслаждались гостеприимством далекой от войны Америки. Миллионеры, банкиры и дельцы помельче покинули столицу, надеясь избежать бомбежек, спрятавшись в мелких городках или поселках. Большинство из них направилось на север Швеции, к финской границе и в Финляндию – поближе к берлоге русского когтистого медведя. Теперь даже они поняли, что получившая советские гарантии безопасности Финляндия стала самым спокойным местом, где можно было действительно не бояться неожиданных бомбардировок или вторжения иностранных войск.

И вот настало 22 июня 1941 года.

Казалось бы, нейтралитет, как и дворянство, обязывает. Однако в этот же день немцы потребовали согласия на транзит через Швецию немецких войск, следовавших из Норвегии в Финляндию на северный участок советско-германского фронта. И король Густав V, грозя правительству отречением, вынудил его пропустить гитлеровские войска. В нарушение всех норм нейтралитета и Гаагских конвенций. Одним словом, “нейтралитет” был истолкован отчего-то в пользу Германии и в ущерб СССР и мог быть выражен простой и незатейливой формулой: “нашим, но не вашим”.

Так что блокадой Ленинграда мы обязаны в числе прочих и шведскому королю.

Именно так.

Разумеется, интрига была гораздо глубже, однако по форме все выглядело так, что правительство убоилось отречения своего горячо обожаемого монарха и пошло на откровенное нарушение международно-правовых норм, регулирующих поведение нейтрального государства во время вооруженного конфликта.

Запугав до полусмерти свое правительство, Густав Пятый вернулся домой и принялся со спокойной душой за любезное его сердцу вышивание.

В свою очередь премьер-министр социал-демократ П. А. Ханссон обещал шведам, что больше ни одна немецкая дивизия не будет пропущена на советско-германский фронт, а сама Швеция не вступит в войну против СССР. Однако несмотря на эти обещания и заверения, сделанные по большей части для Сталина, нежели для собственного народа, немецкие транспортные суда продолжали перевозить в Финляндию войска. При этом, опасаясь атак советских подводных лодок, они частенько укрывались в территориальных водах Швеции, а до зимы 1942–1943 гг. их и вовсе сопровождал конвой шведских военно-морских сил.

Не отрываясь от процесса вышивания, нейтральный Густав V весьма поспособствовал открытию немцам кредита на покупку шведских товаров и перевозки их на шведских же судах, а его благочестивое и нейтральное королевство по-прежнему оставалось основным поставщиком в Германию железной руды и многого другого, без чего война не война, а сушая каторга. В 1941 году он приватно поблагодарил Гитлера за борьбу с “большевистской чумой”. Посильную помощь оказывали шведы и своим меньшим братьям: всю войну от них к финнам шли боеприпасы и продовольствие. Трудно даже вообразить, что еще могла сделать “нейтральная” Швеция для воюющих против нас Германии и Финляндии!

Перевозку немецких военных материалов через свою страну шведы прекратили лишь в середине августа 1943 года – сразу же после победы Красной армии на Курской дуге. Очевидно, к тому времени венценосный теннисист уже в полной мере осознал, что его политические кружева и вышивание гладью могут товарищу Сталину очень не понравиться. Со всеми вытекающими из этого оргвыводами. Тем более что правовых оснований для того, чтобы объяснить шведам, что они неправы, было у СССР предостаточно.

Здраво рассудив, что на Лубянке иголки с нитками у него отберут, Густав V решил более товарища Сталина не дразнить. А то, что товарищ Сталин был настроен весьма решительно, доказывает хотя бы судьба шведского дипломата Р. Валленберга, арестованного в Берлине сотрудниками Смерша. И если СССР пошел на такой беспрецедентный шаг, как арест дипломата, да еще нейтральной страны, то говорит это о многом. И не только о глубине интриги.

Вот такая история. Вы спросите, отчего мы заговорили о Густаве V и шведах как победителях во Второй мировой войне?

Да что ж тут непонятного? Если бы не преступное милосердие кровавого тирана Сталина, то Красная Армия вполне могла провести в Стокгольме мастер-класс настоящего нейтралитета. Причем еще быстрее и эффективнее, чем на уроке, который им преподавал в 1809 году Михаил Богданович Барклай-де-Толли.

Так что отделались шведы вместе со своим королем-спортсменом, можно сказать, легким испугом.

А если учесть, что жертв и разрушений за всю войну шведы так и не познали, то выглядят шведы с их королем-белошвейкой и впрямь победителями.

В советском плену, по данным Управления по делам военнопленных и интернированных Министерства внутренних дел СССР от 12 октября 1959 г., находилось 72 шведа.

И чего им дома не сиделось?